

МЗРТ
ИДХИ

**Черная
кошка
в темной
комнате**
психологический
триллер

Серия **КИНОТРИЛЛЕР**

Михаил Март

Черная кошка в темной комнате

Текст предоставлен издательством АСТ
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183363
Март М. Черная кошка в темной комнате: повести: АСТ; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-059790-1

Аннотация

Почитателям остросюжетного жанра хорошо известно имя Михаила Марта. Это один из литераторов, работающий без скидок на жанр.

Он точен, разнообразен, динамичен и не лишен изящности.

Ну а главным достоинством писателя, безусловно, остается сюжет, искрометная фантазия, неожиданные повороты и эффектные финалы.

За спиной у автора более трех десятков книг, добрая половина которых экранизируется крупнейшими кинокомпаниями России.

Произведения Марта, непревзойденного мастера сложнейшей интриги и непредсказуемого сюжета, давно и прочно завоевали читательские сердца и стали бестселлерами!

Сборник состоит из двух повестей «Сумерки», «Черная кошка в темной комнате».

Содержание

СУМЕРКИ	4
1	4
2	7
3	11
4	15
5	17
6	21
7	23
8	26
9	29
10	32
11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Март

Черная кошка в темной комнате

СУМЕРКИ

1

Роковой день

Деревянный православный крест на могилке, поросшей высокой травой, на кресте фотография мальчика лет двенадцати, выполненная на керамике. Пригородное кладбище в раннее осеннее утро рабочего дня пустовало. Над этой пустотой несло отвратное карканье ворон, будто изрыгалось из пожелтевших ветвей деревьев. На заросшей могиле – газета, бутерброд с ливерной колбасой, початая бутылка водки и пластиковый стаканчик. Женщина в длинном неопрятном плаще пришла помянуть сына. Слезы на глазах, черная косынка и пересохшие губы, произносившие только одно слово: «Сашенька». Голос хрипел. На вид ей не исполнилось и сорока, но опухшее лицо, мешки под глазами и измученный взгляд выдавали ее образ жизни. Когда-то она была красивой. Об этом напоминали благородные черты лица, большие карие глаза, черные брови вразлет, непокорная прядь волос, теперь уже седых. Стоптаные туфли, дырявые в нескольких местах колготки, словно их моль погрызла, этот кошмарный жеваный плащ... Но за бомжиху ее трудно принять – какая-то особая стать, осанка, посадка головы, гордый взгляд. Она все еще знала себе цену, хотя жизнь давно произвела переоценку и сбросила ее с пьедестала, где раньше было ее место.

Женщина налила водки в стакан и выпила не закусывая. Скрутила пробку из газеты, заткнула ею бутылку, сунула посудину в карман балахона, перекрестилась и ушла.

За воротами кладбища стояла небольшая церквушка. Женщина зашла в нее, наскребла мелочи, купила свечку и, поставив ее перед иконой, долго молилась. За ее спиной послышался тихий голос:

– Мама.

Она вздрогнула, но даже не оглянулась, подумала галлюцинации. Даже в церкви нет покоя.

Голос вновь повторил:

– Мама.

Женщина закрыла глаза, у нее защемило сердце. Она знала, в церкви никого нет кроме дремлющей старушки, торгующей свечами и картонными иконками. Трясущейся рукой достала бутылку из кармана, выдернула газетную пробку и сделала несколько глотков прямо из горлышка. Страшный грех, но всех ее грехов все равно не отмолишь. Гореть ей в аду, если он существует. Рая на земле она так и не нашла, зачем же мечтать о небесах.

– Мама!

Голос прозвучал отчетливо. Женщина резко обернулась. За ее спиной стояла девушка лет двадцати. Темненькая, миловидная, опрятная и тоже в черной косынке.

– Тебе места мало? Встань у другой иконы и зови свою мать.

– Я зову тебя. Почему ты не хочешь меня признавать?

– Потому что я не сумасшедшая.

Женщина направилась к выходу. Девушка нагнала ее на улице.

– Пойдем со мной, я тебе кое-что покажу.

– Оставь меня в покое, девочка. У тебя не все в порядке с головой.

– Умоляю, пойдем! Ты сама все поймешь.

Женщина всмотрелась в лицо девушки. Она несчастна – по глазам видно. Может, пойти? Куда торопиться? В свою холодную трущобу?

– Что ты хочешь мне показать?

– Сама увидишь.

Девушка взяла ее за руку и повела обратно на кладбище. Женщина не сопротивлялась. Они прошли к богатому участку. Возле одной из могил девушка остановилась и показала на высокий черный мраморный камень. Художник-гравер постарался на славу. На камне красовалась женщина в полный рост, одетая в богатое вечернее платье. Надпись гласила: «Ксения Михайловна Краснопольская». Завидная могила, со дня похорон прошло пять лет, а она вся усыпана свежими цветами. Но подошедшую поразило другое, она увидела в Ксении себя, словно смотрелась в зеркало. Не сейчас, конечно, а лет пять назад, когда ни один мужчина не мог пройти мимо не оглянувшись.

– Прости, милая, но меня зовут Лилия Романовна Расторгуева, а не Ксения Краснопольская. На этом кладбище похоронен мой сын. Я не знаю, почему здесь, я недавно в этом городе.

– Я всегда знала, что ты жива, – будто не слыша ее, затараторила девчонка, глаза ее горели. – Ты не могла умереть. В этой могиле никого нет.

Лилия достала сигареты и закурила. Подумала: «Несчастный ребенок. Ходячее простодушие».

– Что ты от меня хочешь?

– Поедем домой. Я там ничего не меняла, все осталось так, как было при тебе. И все твои вещи целы. Я знала, что ты когда-нибудь вернешься.

Лилия не знала, что ей делать.

– Как тебя зовут?

– Все так же – Олесей. Почему ты не хочешь меня признавать?

– Кто носит цветы на могилу?

– Кроме меня некому. Я тут бываю три раза в неделю.

– Зная то, что твоя мать жива?

– Я не знаю другого места, куда носить ей цветы. Мне всегда казалось, будто ты придешь сюда и увидишь меня. Так оно и случилось. Ты пришла.

Лилии хотелось сказать грубость, но она сдержалась и лишь тихо прошептала:

– Не к тебе.

– Пойдем. Ты должна вернуться в свой дом. Он заледенел без тебя, твоего тепла и твоей улыбки.

– С кем ты живешь?

– Одна. И никого не привожу в дом. Ты мне не разрешала приглашать друзей.

– А они у тебя есть?

– Теперь нет. Мне не интересно с людьми, а им со мной скучно.

– И парня нет?

– Я ненавижу мужчин. Один парень как-то прижал меня на лестничной клетке, так я превратила его лицо в кровавое месиво.

Девушка показала свои руки. Узкие, изящные, с острыми длинными ногтями. Она выглядела очень ухоженной, но не пользовалась косметикой. Одета была дорого, со вкусом, но не ярко, придерживаясь серо-черных тонов.

– Ладно. Я поеду с тобой.

Олеся, как ребенок, захлопала в ладоши.

У кладбища стояла машина, очень дорогая – «Вольво S 80». К ней Олеся и подвела свою «мать». Лилия насторожилась.

2

Несколько небоскребов в парковой зоне города, обнесенные забором из чугунных прутьев. Въезд на территорию только по пропускам. Подземный гараж, скоростной лифт, двенадцатый этаж, пятикомнатная квартира – заблудиться можно. Все зеркала завешены черной тканью, кроме одного, в ванной. На стенах черно-белые фотографии в рамках. Сотни фотографий и на каждой мать девушки.

– Вот видишь, здесь ничего не изменилось. Ты очень любила смотреться в зеркала, но я их временно прикрыла. Теперь можешь снять с них тряпки.

Лилия огляделась. Здесь все пахло роскошью.

– А тебе зеркала не нужны?

– Мне одного хватает, чтобы причесаться и почистить зубы. Я же не красавица, как ты.

Когда девушка сняла косынку и пальто, Лилия отметила, что у нее очень хорошая фигура, длинные пышные волосы. Около одной из фотографий гостя остановилась.

– Кто это рядом с твоей матерью?

– Мужчина справа – твой первый муж. Мужчина слева – его друг. Впоследствии ставший твоим вторым мужем.

– Немудрено. Один урод и слишком стар, второй красавец и лет на пятнадцать моложе первого. Что их связывало?

– Оба были художниками. Оба талантливы. Каждый работал в своей манере.

– Почему были? Их нет?

– Тот, что старше, уже не был твоим мужем к тому времени, когда... Он умер через месяц, после того как тебя якобы похоронили. А другого посадили в тюрьму. Потом он пропал. Наверное, погиб.

– И ты веришь, что я твоя ожившая мать?

– А ты сама этого не видишь?

– Я ничего не знаю о тебе и твоих родных.

– Ты все вспомнишь. Иди за мной.

Они перешли в другую комнату, и Олеся начала открывать встроенные шкафы. В одном висели дорогие шубы, белые, черные, длинные, короткие, – не менее дюжины. Лилия потрогала одну из них.

– Это же соболь.

– Ты всегда одевалась роскошно. А в этом шкафу твои вечерние платья от кутюр. Они не выходят из моды. И потом мы не в Париже. Примерь это. Дольче Габано. Оно мне очень нравилось. В нем ты выглядела королевой.

У Лилии загорелись глаза. Она скинула с себя одежду и надела платье. Олеся вывела ее в коридор, сорвала черную тряпку с зеркала.

– Смотри, оно твое. Ни одной морщинки. Ты устала. Тебе надо сменить обстановку, вернуться домой, к своим любимым вещам, и все встанет на свои места.

Платье было таким легким, что Лилии казалось, будто она стоит голой. Глядя в зеркало, она завидовала сама себе. Если бросить пить и заняться собой, она может стать не хуже Ксении, гниющей в гробу. А то и лучше.

Олеся подошла к Лилии и положила голову ей на плечо. Она погладила ее по шелковистым волосам. Девушка прижималась к ней, грея своим теплом, и тихо плакала. Ей нужна мать. Одна пропадет. Лилия закрыла глаза, чтобы не видеть своего отражения в зеркале и в воображении встала ее кошмарная хибара с железной солдатской кроватью, двумя табуретками, перекошенным столом, покрытым потрескавшейся фанерой, и тумбочкой, где хранилось все ее добро.

– Послушай меня, детка, – Лилия взяла девушку за плечи, – я не могу принять никакого решения. Все дело в том, что я больна. Моя болезнь называется точечная ретроамнезия. У меня нет прошлого. Пять лет назад я попала в автокатастрофу, но осталась жива. Мой сын погиб. Я сейчас была на его могиле. Мой муж разыскал меня и забрал из больницы. Но я ничего не помню. У меня полная потеря памяти. Я ребенок. Мне пять лет. Но за это время мне удалось наделать немало глупостей. В этот город я приехала недавно. Не знаю, зачем и почему. Меня носит по земле, как неприкаянную, и нигде я не нахожу покоя.

– Я знаю. Это потому, что он бил тебя по голове. Он и меня бил в детстве и называл пришибленной. Но теперь он мертв.

– О ком ты говоришь?

– О старике. Твоем первом муже. Его звали Кирилл Георгиевич Чебрец. Он был на восемнадцать лет старше и ревновал тебя даже к телеграфному столбу. Ты работала в центре международных связей, имела дела с иностранцами. После одного из побоищ ты забыла французский язык, не надолго, на день или два.

– Он бил по голове?

– Не по лицу, а по затылку, а меня полосовал ремнем. Меня он ненавидел лишь за то, что я девочка и не его дочь. Он мечтал о наследнике. К тому же я так и не научилась рисовать. За это мне доставалось вдвойне. Я знала, что ты не умерла. Ты убежала и пропала.

– Но у меня был уже другой муж?

– Тем не менее у вас были какие-то дела. Я не знаю подробностей. В тот вечер ты взяла меня с собой. Уже стемнело. Мы поехали к Кириллу, но я в его дом заходить не захотела. Ты пошла одна, я осталась в машине. Старик писал твой портрет, но не с тебя, а с натурщицы, женщины, очень похожей на тебя. Она сидела голой на помосте.

– А ты откуда знаешь?

– Я тихонько подошла к окну. Чем-то ты его взбесила. Он не умел держать себя в руках. Может, высмеяла его работу. Кирилл долго не думал. Там была печь, дрова и топор. Он схватил топор и бросил в тебя, но попал в грудь растерянной натурщицы. Ни в чем неповинная женщина умерла. Мгновенно. Ты выскочила из дома и исчезла. Я ждала тебя. Минут через пять старик вышел из дома. Он нес в руках тело убитой, завернутое в одеяло. Увидев твою машину, пошел к ней. Я пряталась в кустарнике.

– И что дальше?

– Тело натурщицы с изуродованным до неузнаваемости лицом нашли неподалеку от дачи твоего второго мужа. Его арестовали, обвинив в убийстве. Топор нашли в ручье. Доказательств не было, но его все равно посадили. Старика даже не заподозрили. Он и его две сестры опознали тело натурщицы как твое. Через месяц старик подох, но ты так и не вернулась. Его Бог наказал!

– На что же ты живешь?

– Работаю. Все твои деньги перешли ко мне. Много денег. На две жизни хватит.

– Печальная история. У тебя есть выпивка в доме?

– В гостиной есть бар, но я к нему не прикасаюсь.

Они прошли в гостиную. Встроенный в стену бар был полон.

– Выпьешь со мной, дочка?

– Я не умею пить.

– От шампанского еще никто не умирал, а себе я налью что-нибудь покрепче.

– Ты прими ванну, а я расчешу тебе волосы, как делала это раньше. Тебе нравилось, – сказала Олеся улыбаясь.

– Мне нужны деньги, чтобы привести себя в порядок.

– О деньгах не думай. Сколько надо, столько и бери.

Лилия закрыла бар.

– Пьянка отменяется. Жаль снимать это платье, но пора идти в ванную и отмокать. Чертовщина! Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

– Я тебя уже нашла.

– Редкий случай. На кладбище только теряют.

* * *

Сколько она себя помнила, а помнила она свою жизнь последние пять лет, Лилия не сделала ничего хорошего. После гибели сына она бросила мужа, сбежала от него. А потом занялась аферами, брачными аферами. Но ее преследовали сплошные неудачи. Последний случай едва не довел до могилы. Дурная голова не давала ногам покоя. Вечная спешка, желание получить все и сразу всегда заводили ее в тупик. Три месяца назад она связалась с настоящим маньяком. Ее спас случай.

Была темная дождливая ночь. Она лежала на мокрой траве со связанными руками и заклеенным ртом, а он тем временем работал лопатой, копая ей могилу. Не человек, а расшвирипевший зверь. Мог бы не заклеивать ей рот, она все равно молчала бы.

– Ты что же, сучка, решила обвести меня вокруг пальца? Нет, не получится, я тебя быстро раскусил, – басил он себе под нос, обливаясь потом.

Она все еще на что-то надеялась. Рано подыхать. Главное – распутать руки, а дальше как получится.

– Я тебя, гадина, живой закопаю. Тебя только могила исправит, – бурчал он, неистово работая лопатой. – Не на того нарвалась. Немало я повидал стерв на своем веку. Все они здесь лежат, под землей, на моем участке. Сюда ни одна собака нос не сунет. Я уважаемый человек в городе. Богатый человек! А ты кто? Шавка бездомная!

Кажется, ей удалось: гибкие кисти выскользнули из ослабшей петли. Что дальше? Встать и побежать? Он догонит ее в три прыжка. Надо выждать.

Озверелый монстр стоял по пояс в вырытой яме и усмехался.

– С тебя хватит. Глубже червей нет. Им кислород нужен. За месяц сожрут тебя без остатка. Вот так, Лилечка! Могила вместо денег. Или ты, дура, решила, что я поверил в бред, будто ты хочешь выйти замуж за меня по любви? Всех интересуют только мои деньги. Взгляни на себя и на меня. Любовь! Нашла идиота!

Он вылез из могилы и воткнул лопату в кучу земли.

– Перекур. Постарел, уставать стал. Раньше все делалось быстрее и легче. Тебя же еще закапывать надо, а сверху дерном заложить. Все должно выглядеть чин-чинарем. А потом пойду помяну твою гадючью душу.

Он достал из кармана сигареты и начал прикуривать. Спичка гасла на ветру, и он повернулся к Лиле спиной. На раздумье времени не оставалось. Лиля вскочила на ноги,хватила лопату из земли и со всей силы ударила его острым ребром по голове. Спичка погасла, а он, как срубленное дерево, свалился в могилу.

Она стояла с лопатой в руках, готовая отразить атаку. Ничего не происходило. Тишина. Лиля подняла с земли керосиновый светильник и поднесла его к яме. Из могилы на нее смотрели остекленевшие глаза. По коже пробежали мурашки. Мертвый, с озверевшим оскалом он был страшнее, чем живой. Она отвела свет фонаря в сторону.

Теперь и она могла покурить. Подняла с земли сигареты, спички, сорвала с губ клейкую ленту, закурила и тихо сказала:

– Поздравляю тебя, подруга. Вот ты и до убийства докатилась. Дальше уже некуда.

Бросив окурок в могилу, она начала закапывать труп. Ее очередной кандидат в мужья все предусмотрел. Даже дерн порезал на квадраты. Работа не заняла много времени, и скоро место захоронения уже ничем не выделялось на участке.

Лилия вернулась в дом, приняла душ, выпила стакан водки. Денег она нашла немного – триста долларов и несколько тысяч рублей в бумажнике. Долго на эти деньги не проживешь. Ее небогатый гардероб уместился в спортивной сумке. Взяв паспорт и водительские права, она отправилась в гараж. Сейчас он в отпуске. В ближайшее время его не спохватятся. Идиот успел раззвонить, что собирается ехать с невестой на Красное море. Кретин! Счастливого пути, а ей пора уносить ноги, снова отправляться в бега. Одно утешало – она осталась жива.

Когда Лилия подъезжала к речному порту, на горизонте появилось восходящее багровое солнце.

– Какой теплоход первым отходит сегодня утром? – спросила она кассиршу.

– Только круизный «Михайло Ломоносов». А куда вам надо?

– Он делает остановки?

– Разумеется. В больших городах стоит по шесть часов, предусмотрены экскурсии. Это же круиз.

– Билеты есть?

– Остались только дорогие в двухместные каюты. Вы одна?

– Одна.

– Есть еще одиночка.

– Женщина?

– Мужчину я не стала бы предлагать.

– Меня устраивает.

– Паспорт, пожалуйста.

Лилия подала свой паспорт.

– Питание предусмотрено?

– Трехразовое. Десерт за свой счет. Три ресторана и бары. Сауна тоже за свой счет.

– Я поняла.

В девять часов утра теплоход «Михайло Ломоносов» отчалил от берега. Лилия облегченно вздохнула.

Каюта-клетушка не стоила и половины заплаченного, зато повезло с попутчицей – они были ровесницами. Не успела Лилия войти, как приветливая соседка сказала:

– Доброе утро. Меня зовут Валя, а вас как? Будем дружить?

3

День второй

Опять ей снился дурацкий сон. Три месяца он ее преследует. Лилия проснулась от того, что сбита рукой будильник с тумбочки. Она вздрогнула и приподнялась. Где она? Что это за хоромы?

Память по капелькам возвращала события вчерашнего дня. Наконец она все вспомнила. И что дальше? Лучше ни о чем не думать и ничего не делать. Дал бог ломоть удовольствий – отдыхай!

К новой жизни привыкать Лилия не хотела. Боялась в самый неподходящий момент превратиться в Золушку, потерявшую на лестнице хрустальный башмачок. Слишком нереально все выглядело. Вместо богатого жениха нашла богатую дочь. Наивную дуреху. Ей нужна мать, тепло, любовь. Но разве она, Лилия, способна дать человеку то, чего в ней нет? Фотографии на стенах ее поразили. На что природа способна! Лилия была копией матери девочки, наверняка такой же стервы. Но ей не повезло, а Лилия пока умела выкарабкиваться из тупиковых ситуаций. Но везение – вещь относительная, как игра в рулетку.

В комнату вошла женщина в белом халате. Лилия напряглась. Опять по пьянке где-то навернулась и что-то себе сломала. Вроде как она не напивалась. Чужие стены, потолок, широченная мягкая кровать, и что удивительно – все чистое. Нет, это не ночлежка, не вытрезвитель и даже не больница.

Женщина в белом халате улыбалась. Кошмар! Кто-то, глядя на нее, улыбается.

– Доброе утро, Ксения Михална. Я Вера. Массажистка. Меня впустила ваша дочь. Она ушла на работу.

– И что тебе надо?

– Сделать свою работу до десяти часов. В десять придет косметолог, потом маникюрша и еще кто-то. Кажется, парикмахер. Мое дело – массаж.

Лилия боялась встать с кровати. На ее теле полно синяков, а ноги все в ссадинах – результат частых падений с лестницы. В ее доме не было лифта, а на пятый этаж после пары бутылок паленой водки взобраться нелегко на двух конечностях, даже при наличии перил.

– Олеся предупредила меня, что вы недавно попали в аварию и немного поцарапались. Это не важно, я буду аккуратной. У меня есть очень хорошие заживляющие средства, настоянные на редких травах. Их собирают на Тянь-Шане.

– Кажется, у меня нет денег.

– Мы из салона красоты «Магнолия». Это лучший салон в городе. Наличный расчет не обязателен. Вашей дочери пришлют счет, и она его оплатит. Ваше имя внесено в каталог салона как постоянной VIP-клиентки. Хочу посоветовать – вызывайте нужных вам мастеров заблаговременно. Хотя бы за день, и тогда никаких проблем не возникнет.

– Спасибо, я учту. Мне надо умыться.

– Конечно. Буду ждать вас в дальней комнате, туда завезли оборудование.

Лилия смутно понимала, что происходит. Бред какой-то. Лучше вообще об этом не думать. Пусть все идет своим чередом.

Возле кровати лежал белый шелковый халат.

– Идите. Я скоро приду, – сказала она массажистке.

Лилия стеснялась своего тела. Зря. Им можно было восхищаться, если убрать с него синяки и царапины.

Вера вышла из комнаты. Лилия встала, накинула халат и направилась в ванную. Черные тряпки, покрывавшие зеркала, исчезли. Как хорошо, что она не стала вчера пить. Это подвиг. Бар остался нетронутым, и в результате у нее не болит голова.

В ванной комнате на полочке перед зеркалом лежал конверт и записка:

«Мамочка! Любимая! Я на работе. Приду часов в шесть. Еда в холодильнике на кухне. Ничего не готовь. Я заказала ужин в ресторане. К моему возвращению его доставят. Если куда-то соберешься, загляни в конверт. Твоя машина стоит на старом месте. Я вызвала мастера. За пять лет сел аккумулятор. Ее помогут и приведут в порядок.

Целую тебя, твоя дочь!»

Красивый ровный каллиграфический почерк. Такой бывает на поздравительных открытках. Бедная дуреха! Знала бы, с кем связалась.

Лилия заглянула в конверт. В нем лежали ключи от машины, документы на нее, водительское удостоверение на имя Ксении Чебрец и двадцать стодолларовых купюр. Две тысячи с неба свалились. Кому рассказать – не поверят. Впрочем, она и сама не верила собственным глазам. Права выданы восемь лет назад, значит, Ксения еще носила фамилию первого мужа. Машина оформлена на то же имя. Лилия прекрасно водила машину. Слишком частые уходы от преследования научили ее обращаться с рулем на «ты».

Она убрала конверт и записку в карман халата, умылась, посмотрела на свое отражение в зеркале. Вроде бы и не такая страшная. Правда, слишком много седых волос и кошмарная одутловатость... Даже три месяца назад она выглядела в сто раз лучше.

Выйдя из ванной, Лилия с удивлением подумала, что ориентируется в большой квартире так, будто жила здесь.

В комнате, где ее ждала Вера, стоял массажный стол, по бокам тренажеры, у окна парикмахерское кресло и умывальник, кварцевые лампы. Настоящий фитнес-зал.

– Снимайте халат и ложитесь на стол, – сказала массажистка.

Теперь Лилия не стеснялась – авария, есть авария. Но когда Олеся успела разглядеть ее тело, чтобы придумать историю с аварией? Ежедневная бутылка водки на голодный желудок давала о себе знать – память ослабла, вот и сейчас она не помнила, как ложилась спать.

Массажистка прекрасно справлялась со своей работой.

– Наверняка мужчины сходят с ума от вашего тела. У вас потрясающая фигура, Ксения Михална.

– У меня не было мужчин больше трех месяцев, Вера.

– У вас?

– Не могу найти достойного партнера.

– Тут с вами никто спорить не будет. Сильные мужчины, как правило, обычные работники с отсутствием мозгов. Умные и талантливые – импотенты. А красавчики, молодые и страстные, интересуются кошельком своих партнерш больше, чем телом. Остальные – алкоголики.

– Целая философия.

– Обычная практика. В нашем салоне работают только женщины, и мы обслуживаем только женщин. Всякого наслушаешься. Обидно, что такое тело не востребовано.

– Ты хочешь сказать, что в моем возрасте нет следов целлюлита? Да? Мне тридцать восемь лет, шансов на успех с каждым годом становится все меньше и меньше.

– Целлюлит бывает и у двадцатилетних. Природа делает свой отбор. Вашей дочери повезло, у нее ваши гены. Была бы я мужчиной, влюбилась бы в нее.

Лилия любила красивых мужчин и умела их использовать, что не вязалось с философией массажистки. Олеся не выносила мужчин, и это можно было понять: отец бил девочку, у нее выработался обратный рефлекс. Попадись ей хороший, терпеливый парень, неожиданно подумала Лиля, он сумеет переломить ситуацию. Вопрос в том, будет ли терпеть его

она? Ксения, по ее рассказам, не очень-то разбиралась в мужчинах. Но как ей удалось привязать к себе дочь с такой силой, что девчонка помешалась на своей матери?

– Олеся тоже пользуется вашими услугами?

– Конечно. Постоянно. Невероятная чистюля. Такая могла бы свалить любого мужика наповал. Безукоризненные формы.

– А как, по-вашему, у моей дочери есть мужчины?

– Если и есть, то она умеет это хорошо скрывать. Олеся слишком брезглива, и слово «мужчины» ей не подходит. Один единственный, может, и есть. Девушка особенная, не такая, как все.

– Да. Мне с ней нелегко.

– О чем вы? Олеся обожает вас. Сколько я ее помню, она не переставала говорить: «Вот скоро вернется моя мама и начнется совсем другая жизнь». Я еще никогда не видела такой сияющей улыбки на ее лице, как сегодня утром.

После массажа Лилия почувствовала себя отдохнувшей. Потом пришла косметолог, привела в порядок ее лицо. Следом появилась парикмахерша – покрасила волосы, сделала укладку.

На превращение ханыги в женщину ушло не менее пяти часов. Когда все кончилось, Лилия нашла в шкафу самое скромное платье и пальто, оставшееся ей в наследство от предшественницы. Чулки пришлось надеть черные, дабы скрыть многочисленные ссадины на ногах.

Колготок Ксения не носила, только чулки и пояса, как делают женщины, любящие раздеваться перед мужчинами. Это способно даже епископа забыть о сани и очуметь от возбуждения.

Когда она увидела себя в зеркале, ей показалось, будто перед ней другая женщина, не имеющая ничего общего со вчерашней уродиной. Сейчас она стала копией Ксении. Даже прическа та же.

Ее замызганный плащ исчез с вешалки, на его месте весели ключи от квартиры. Плащ – не велика потеря, но там были сигареты. Она все еще не понимала, что у нее в кармане лежит кошелек, набитый денежными купюрами.

На лифте она спустилась в гараж. Где место ее машины – она не знала. В документах значилась «Ауди S 8». Машина шикарная, вопрос в том, что от нее осталось. Автомобили стояли в четыре ряда вдоль длинного тоннеля. Лилия помнила, в каком месте поставила свою машину Олеся. Очевидно, автомобиль матери должен стоять рядом. Она не ошиблась в своих предположениях, возле темно-вишневой «Ауди» возился мастер.

– Дела совсем плохи? – спросила Лилия.

– Вы Ксения Михайловна?

– Она самая.

– Машина – зверь. Да еще с тюнингом. Таких я не видел. Сменили аккумулятор на родной, поменяли масло, прогнали на холостых оборотах. Двести пятьдесят для нее не скорость. Сейчас таких не делают. О таких мечтают. Давление в шинах довели до ума. Ласточка.

– Так какого черта вы здесь делаете?

– Ваша дочка так распорядилась.

– Так – это как?

– Возможно, вам понадобится водитель, если вы не захотите садиться за руль. Я в вашем распоряжении. За все уплачено.

– И за защиту тоже?

– От нападения я вас уберегу, будьте уверены. Мы обслуживаем особых клиентов.

Лилия подошла к механику и сделала резкое движение правой рукой. Мастер сложился пополам, как перочинный ножик.

– Нет. Как защитник ты меня не интересуешь. Я поеду сама. Кстати. Где можно найти опытного и работоспособного парня? Мне нужно собрать справки на одного человека.

Механик разогнулся, держась за живот.

– Ну и ударчик у вас. А я так старался.

– Хвастаться меньше будешь. Знай свое место.

Шофер достал из кармана джинсов визитную карточку и протянул ее элегантной женщине, которая его сломала пополам.

– Вот телефон. Яша Петраков. Лучшего не найдете. Десять лет в ментовке проработал. Защитить он вас не сможет, а вот по части розыска – черта найдет, если попросите. Но учтите. Стоит он дорого. Советую поторговаться. Он дочь магната за двое суток нашел. И где? На Сейшелах. Девчонка упорхнула туда с любовничком по паспорту его жены. Вот сюжет!

– И сколько заработал?

– Все олигархи жлобы. Бедняки больше платят. Квартиры даже продают. Они люди, знают, что такое семья. Но с них Яша денег не берет, он человек не бедный.

– Вали отсюда.

Лилия достала из кармана стодолларовую бумажку, сунула в карман комбинезона механика и села за руль. Ей показалось, будто машина выскользнула из-под нее: скорость, комфорт, легкая управляемость.

Она старалась не думать о том, что происходит. Такое не может длиться долго. Получил свой куш и сваливай. Твоя судьба предначертана. Ничего ты не изменишь. Говно невозможно превратить в конфетку, но каждая конфетка в итоге превращается в дерьмо. Такие вещи надо понимать. Лови миг удачи. Поймал и делай ноги. Любой кайф кончается похмельем. Умеешь держаться на плаву – твое счастье и не требуй от жизни большего.

4

Подъехав к своему старому дому, она увидела две незнакомые машины. Одна пустая, во второй за рулем сидел мужчина. Возможно, ждал жену, зашедшую в супермаркет. Пустая машина была припаркована прямо возле ее подъезда. Лилия знала каждую колымагу, стоящую в ближайшем квартале. Это была черная «Волга». Чья? Такую можно купить, но зачем? Старорежимные пенсионеры, страдающие ностальгией по советским временам, все еще копают картошку на своих грядках, а сыскари до сих пор катаются на похожих шарабанах.

Лилия решила подождать. Дома в ее тумбочке лежал паспорт, права и полная папка акций на полмиллиона долларов. Бесполезные, к сожалению, но выбросить их у нее рука не поднималась.

Может быть, все же подняться наверх? Сейчас ее трудно узнать. С другой стороны, лучше не рисковать.

Человек, сидевший в машине, вышел и направился в ее сторону. Самое время исчезнуть, но Лилию мучило любопытство. В конце концов с одним мужиком она справится. Даже если у него есть пистолет. Крепкий, высокий парень лет тридцати пяти. С таким можно лечь в постель и, возможно, не пожалеть об этом на следующее утро. Ей нравилась его небрежная походка и торчащая во рту сигарета. Но чем ближе он подходил, тем больше становилось разочарование. Ему не тридцать пять, а на десять лет больше. И вовсе он не красавец, слишком примитивен, и волосы не пепельные, а седые. Старая дура. Разыгралось воображение – готова и черта принять за красавца. Во всем виноват сексуальный голод.

Тип небрежной походкой подошел, не вынимая сигареты изо рта, открыл переднюю дверцу и плюхнулся рядом с Лилией. Ямочки на щеках и обаятельная улыбка незнакомца помогли женщине удержаться от резкого отпора. Чего-чего, а язык у нее всегда был острым.

– Добрый день, Лилия Романовна. Домой вам лучше не возвращаться.

– И что там?

– Идет обыск. Ты в розыске.

– Чем я им не угодила?

– Хочешь проверить меня на вшивость? Отвечу. Для начала скажу главное. Я сидел здесь, чтобы предупредить тебя. Твой муж не хочет тебя наказывать. Он лишь хотел иметь надежную жену, ты его надежд не оправдала. Твой побег с акциями позволил ему увидеть твое истинное лицо. Меня он нанял лишь для того, чтобы я нашел тебя и передал это. Я свою работу сделал.

Он хотел выйти из машины, но Лилия его ухватила за рукав.

– Давно ты следишь за мной?

– Не больше трех дней. Ты не из тех, кого трудно вычислить.

– И не удивлен моему виду?

– Нет. Я знаю, к кому ты присосалась.

– Оперативно работаешь. Что делают сыскари в моем доме?

– Информация стоит денег.

– Задание моего мужа ты выполнил, стало быть, свободен.

– Все зависит от предложений.

– Делишь людей на хороших и плохих?

– Давно уже никого не сужу. Последние годы выслушиваю чужие признания.

– И много тебе за это платят?

– Кроме счетов за коммунальные услуги и коробки с медалями ничего не имею.

– Что знаешь обо мне?

– Я не астролог, но твою судьбу предсказать не трудно.

– Как тебя зовут? – резко спросила Лилия.

– Яша.

– Яша Петраков?

– Да ты ясновидящая.

Лилия достала визитную карточку и протянула ему.

– Здесь твой телефон. Я хотела тебя нанять.

– Не возражаю. Но должен предупредить, я уважаю законы. Грабить и убивать никого не буду, в соучастники тоже не гожусь. К аферам отношусь сносно.

– Вполне приемлемо.

– Что ты обо мне знаешь?

– Пошли по новому кругу?

Лилия достала деньги.

– Вот. За две недели работы.

– Даже таксисты за сотню в день работать не станут. И потом я не знаю, что мне делать целых две недели. Говори, что тебе надо, я сделаю работу за два дня за те же деньги.

– Я плачу не за время, а за результат.

– И я о том же. Ближе к теме. Об акциях сыскари ничего не знают. Их интересует твой компьютер.

– У меня его нет.

– Значит, они остались с носом. Теперь решат, что ты уехала из города. Маленькое отступление. Ты познакомилась с мужем через Интернет. Значит, без компьютера обойтись не можешь. Ищут брачную аферистку и воровку.

– Но если муж не писал заявления о пропаже акций...

– Сыскари их нашли у тебя в тумбочке. Акции именные. Как они у тебя очутились? Но это мелочи. Они уверены, что ты не расстанешься с компьютером и не вылезашь из Интернета. Нет в доме компьютера – нет и тебя.

– А свой паспорт я им в подарок оставила?

– Тогда дела твои неважные.

– Преодолеем и это. Знаешь, где я живу?

– Уже знаю. Даже могилу твоей копии видел. Удобный случай поменять имя и биографию.

– Два дня, говоришь? За два дня я должна знать об этой семье больше, чем они сами о себе знают. Меня приняли за другую. Но она мертва, если есть могила.

– Сделаем. Позвони мне завтра. Смотри, следователи вышли. Радости на мордах не замечаю. Тот, что высокий, – парень хваткий. Илья Вербицкий. Запомни его имя. Лучше тебе с ним не встречаться. Уезжают. И купи себе сотовый телефон. Мы должны быть на связи в любую минуту. Я не знаю, куда меня выведет колея.

– Олеся Чебрец – твой главный объект на сегодняшний день. И все ее окружение, включая погибшую мать.

– Мне ничего не надо повторять дважды. Не советую приезжать в этот район. Твой дом могут оставить под наблюдением.

Детектив вышел из машины.

5

Девушка поджидала ее дома. Лилия вернулась в некоторой растерянности.

– Куда ты пропала, мама? Я уже вся извелась. Сегодня мы идем в театр. Столичная труппа дает «Евгения Онегина». Уникальный случай.

– Какой еще театр? Мне носа на улице показывать нельзя.

Олеся присела на стул. На ней было вечернее платье, и она выглядела очень хорошенькой, хотя по-прежнему не использовала косметику.

– Что случилось, мама?

– Я не знаю, где, когда и почему наделала глупостей. Поехала по старому адресу домой за документами, а там меня поджидали следователи.

– Где это?

– Улица Герасимовича.

– Вот там они тебя и могут ждать. Ни в театре, ни в нашем районе искать не станут.

– На кой черт мне нужен театр?

– Я хочу, чтобы тебя увидели. Люди из нашего «высшего света», разумеется, а не сыщики.

– Что это даст?

– Сплетни о твоём возвращении. Ксения Чебрец вернулась. Ты разом можешь обрубить все концы, связанные с жизнью после своего исчезновения. Нет больше Лилии Расторгуевой. Пусть ее ищут до скончания века.

– Своим появлением сыщики ее спугнули. Ты права. Я бы сбежала из города. И они подумают так же. Но с чего ты решила, будто все сочтут Ксению живой? Она же умерла.

– Умерла натурщица. Твоя копия. Через год из Парижа я получила письмо от тебя и его все видели. Никто не сомневался в том, что ты жива. О деталях мы поговорим потом. Одевайся, мы опаздываем.

Олеся отодвинула панель в стене, где блеснула никелированная дверца сейфа, набрала код и открыла дверцу. Даже в небольшую щель было видно, сколько пачек денег в ящике. «Уходить еще рано, – подумала Лилия. – Либо мне невероятно повезло, либо я вляпалась в очередную кучу дерьма, что случается значительно чаще».

Дочь достала из сейфа черную большую коробку и подала матери.

– Вот, надень.

Лилия открыла замшевый футляр. В нем лежало изящное ожерелье из бриллиантов и изумрудов, серьги и кольцо. Она подошла к окну и рассмотрела гарнитур.

– Стекляшки. Эту дрянь я не надену.

– Ты сама их делала на заказ. Оригинал лежит в банке. Комплект рассчитан на вечернее освещение. Его делали ювелиры высшего класса. Ты любила его надевать на приемы. У нас же нет охраны.

– Ладно, надену.

Лилия открыла шкафы и начала подбирать себе платье. Через час женщины спустились в гараж и сели в машину Олеси. Девушка положила на колени Лилии телефон.

– Я хочу, чтобы мы всегда были на связи. Ободок и цифры из настоящего золота, на корпусе бриллианты. Тут нет фальшивок. Ты хорошо разбираешься в камнях.

– Чутье на фальшь. Спасибо за заботу.

– Я всегда о тебе заботилась. О ком же еще.

Перед тем как вернуться домой, Лилия уже купила мобильный телефон для связи с частным сыщиком. Примитив, конечно, но и он пригодится.

Спектакль уже начался. Их проводили в ложу. Такие места не купишь в кассе. Каким образом Олесе удалось заполучить билеты на VIP-места? Скромная, незаметная девчушка, и такие возможности...

В антракте в фойе разносили шампанское, играл оркестр. Похоже, на этот вечер билетов вовсе не продавали. Женщины сверкали украшениями, мужчины были в смокингах.

– Не стреляй по сторонам глазами, как перепуганный заяц, – тихо сказала Олеся, держа мать под руку.

– Они все на меня смотрят.

Возле них остановился лакей, и женщины взяли по бокалу шампанского.

– Не хуже, чем в Москве, – удивилась Лилия.

– Тебя и туда заносило? В Москве ничего нет, кроме банков и казино. А здесь нефть, газ, уголь, никель. Деловые люди со всего мира предпочитают работать здесь, а не бездельничать в столице.

– Ты слишком хорошо разбираешься в бизнесе.

– Я работаю в одной из крупных фирм. Двадцать лет – уже не детский возраст.

К ним подошел статный с седыми висками мужчина и заговорил по-французски.

– По-русски, пожалуйста, – перебила его Лилия.

– Да, да, конечно. Мы же в России, – он приятно улыбнулся. Говорил хорошо, почти без акцента. – Слухи о вашей гибели, Ксения, слишком преувеличены. Это не мое дело, но как же искусство?

– Я не готова отвечать на вопросы. Мне необходимо пройти акклиматизацию.

– Как, простите?

– Привыкнуть к ситуации, осмотреться, подумать.

– Вы можете обращаться ко мне в любое время. Рад буду услужить. В пятницу у нас прием. Ваш визит – честь для нас. Приглашение вам вышлют, а нужные имена впишете сами. Мадам! Мадмуазель!

Поцеловав им ручки, француз ретировался.

– Кто это?

– Французский консул. Теперь жди англичан, американцев и голландцев. Здесь гнездо.

Сначала подходили по одному, потом женщин окружила целая стая иностранцев. Лилию раздражало такое внимание, но звонок на второй акт задерживался. Когда наконец они вернулись в ложу, она сказала:

– Пора сматываться. Больше я этого не вынесу.

– Нет, мамуля, – возразила Олеся, – побудем еще. Уйдем чуть раньше, но не сейчас.

Лилия терпела. Музыки она не слышала, но взгляды на себе чувствовала. Какой смысл в том, что Ксения возродится из пепла? На какое-то время это ее спасет, она скинет с себя чешую Лилии Расторгуевой и вновь станет невинной овечкой. А дальше? История с Ксенией – темный лес. Где-то есть подвох. В любой момент все может полететь в тартарары.

* * *

Опять наступила кошмарная ночь, и бесконечно повторяющийся сон схватил ее за горло. Здесь не было никакой Ксении, здесь существовала Лилия, преследуемая и загнанная, чудом уцелевшая и ждущая своего последнего часа. Если сейчас она не выкарабкается, другого шанса у нее не будет.

Они сидели в открытом баре на верхней палубе и мило беседовали. Лилия пила «коктейль» – обычная водка была разбавлена чайной ложкой компота для цвета, а Валя ела мороженое.

Лилия отхлебнула из стакана кошмарного пойла, закурила и продолжила:

– Кому как поперет. Я невезучая. Пять лет назад угодила в аварию. Странно, что живой осталась. Сынишка погиб. Муж похоронил его, а меня полгода держали в психушке. Крыша съехала, ничего не помню. Память, словно губкой смыло. Когда выписалась, ужаснулась – как я могла жить с этим идиотом! Месяц выдержала и развелась. Сейчас уже забыла, как он выглядит. Уехала, куда глаза глядят. Только легче мне от этого не стало.

– Брось, Лилька. Ты молодая, встретишь еще свою любовь.

– Любовь – это секс, все остальное привязанности.

– Твоя логика мне нравится. Но у тебя неправильно работают мозги. Голова – для бизнеса, тело – для похоти. Я своего дурачка нашла по Интернету. Газеты с объявлениями – далекое прошлое.

– Компьютер для меня – дремучий лес.

– Ерунда. Я тебя научу и даже нужные сайты покажу. Так вот. Я переписывалась одновременно с девятнадцатью мужиками. Они же сами дают заявку. Мне нужна такая-то и такая-то. Ради бога, я ей стану. Чего просишь, то получишь.

– А если требуется красавица? – Лиля с усмешкой взглянула на приятельницу.

– С лица не воду пить. Что толку, что ты красивая?

– Не обижайся. Я хочу понять твой метод.

– Метод прост. Надо выбрать того, у кого деньги есть. Не на словах, а в действительности. Справки можно навести через тот же Интернет.

Валя открыла сумочку и достала фотографию.

– Как он тебе?

– Средней вшивости. И лет многовато.

– Плевать. Посмотри, сколько мужиков вокруг у нас пасется. Бери любого. Для удовольствия, разумеется, а не для замужества. Думаешь, кто-нибудь из них откажется? Нет. Они созданы самцами.

– Спасибо за лекцию.

Лиля допила свой «коктейль».

– Извини. Мне вон тот приглянулся, – показала Валя на мужчину в сером костюме.

– Типичный урка. За ним явно тянется шлейф мокрых дел, – заметила Лиля.

– Плевать. Такие в постели хороши. Я люблю сильных мужиков.

– Так ты едешь к этому? – Лиля постучала пальцем по фотографии.

– Да. Он то, что мне надо. Прикинулся скромной овечкой. Я тоже, разумеется. Покажу тебе нашу переписку, обхохочешься. Сплошное лицемерие.

– Почему он? – спросила Лиля.

– Он крупный адвокат, у него своя фирма. Защитник! Только против меня у него самого нет никакой защиты. Хочет найти жену святошу и тихоню. Ради бога. Вот она. Все богатые мужики бабам не верят. Им, видите ли, любовь подавай. Чувства! А сами трахают своих секретарш.

– Как ты его раскусила?

– Целое расследование провела. Тоже через Интернет. Только он обо мне ничего не знает.

– Ты посылала ему свою фотографию?

– Конечно. Чуть ли не в монашеском одеянии. Ему такая и нужна. Кухарка, прачка, повариха, хозяйка и шлюха в койке.

– Ты неплохой психолог. Научишь меня пользоваться Интернетом?

– Запросто. Здесь есть компьютерный зал. Начинай учиться с нашей переписки, там все тонкости поймешь.

– Переписка у тебя с собой?

– Я везу ее для подтверждения. Фотографию любую можно выслать, а письма хрен подменишь. Он должен быть уверен, что к нему приехала та, кого он ждет.

Лиля перевернула фотографию.

– Ты чего? – спросила Валя.

– Они идут к нам. Тот, в сером костюме, и его приятель.

– Класс! Я же тебе говорила, клюнули.

К столику подошли двое грубоватых, хорошо одетых мужчин лет сорока.

– К вам можно причалить, конфетки?

– Конечно, – ответила Валя. – Тем более что мест свободных не хватает.

Она указала на пустующие столики.

– Бармен! Шампанского, – крикнул тип в сером костюме.

– Лучше что-нибудь покрепче. Холодновато здесь, – сказала Лиля.

– Это по-нашему. Бармен! Коньяк. Лучший!

6

День третий

Лиля ехала на свидание с больной головой. Эти дурацкие сны не давали ей покоя. Похоже, она уставала от них больше, чем от жизни.

Они встретились в хорошем ресторане. Платил Яша Петраков. После выплаты ему гонорара и покупки телефона у Лилии, практически, не осталось денег. Просить у Олеси она еще не хотела, а с сейфом ей совладать не удалось. Привлекать взломщиков было глупо. Они ничего не оставят, все унесут, да еще прибить могут.

Петраков шиковал – шампанское, икра, копченый угорь.

– Ты поешь, Лиля. Не дай бог, опять на помойку выбросит, сладкая жизнь не для тебя.

– Ближе к теме, Яков.

– Отец Олеси сгорел, а не умер. На сороковой день после похорон ее матери. Нажрался и сгорел на своей даче. Одни головешки остались. Пожар разыгрался под утро. Соседи заметили, когда от дома ничего не осталось. Это то, что лежит на поверхности. Стоит покопать поглубже.

– Так-таки и сгорел? Чушь!

– Значит, сожгли. Не доказано.

– Кто?

– Вычислять надо. Пять лет прошло.

– Что еще?

– Труп Ксении был найден у обочины дороги в трех километрах от дома Геннадия Краснопольского. По мнению свидетелей, он был чересчур ревнивым. Скандалы – обычное дело. Его застали мертвецки пьяным, он лыка не вязал. Под белы ручки – и в отделение. Потом получил пять лет. В ручье нашли орудие убийства. Топор. Его хорошо промыло проточной водой, отпечатков не осталось. Труп опознал Кирилл Чебрец, две его сестры и муж одной из них. Ксению похоронили и забыли. Краснопольский не мог убить Чебреца через сорок дней после похорон Ксении. Он уже сидел. Попробуй разговорить девчонку.

– Ты и мне работу нашел. Это все?

– Следствие по делу об убийстве Ксении Краснопольской вел Аркадий Попов. Высокий чин из прокуратуры – муж одной из сестер Чебреца. Дело слепил быстро, будто из пластилина. Обвинителем на суде выступал его закадычный приятель. Из таких тисков выпутаться невозможно.

– Ты не веришь, что Краснопольский мог убить жену?

– Нет. Не тот мужик. А то, что к тому времени они с Ксенией уже развелись, даже не упоминалось. Так говорят все.

– Кто все?

– Я опросил десяток людей. Это ты считаешь меня бездельником, но я свою работу туго знаю.

– Ты говорил о каких-то тетках?

– Родные сестры сгоревшего Кирилла Чебреца, тетки Олеси. Одну зовут Регина – старая дева, вторую – Алевтина, она жена следователя Аркадия Попова, который засадил Геннадия.

– В чем их сила?

– Ни в чем. Они были опекунами Олеси до восемнадцати лет. Денег у нее не воровали, но держали строго. Вопрос. Если Ксению уже похоронили, а Краснопольского посадили, кто мог убить и сжечь Чебреца?

– Старухи опознали труп Олесиной матери... Нет, такие игры не по мне.

– Зря испугалась. Старухи привязаны – у них здесь дома, хозяйство, а ты с девчонкой свободна как птица. Сегодня здесь, завтра в Омске, послезавтра в Хабаровске. Можете забрать деньги и уехать куда хотите. Срок опекуинства закончился.

– Тебе с того какая радость?

– Без такого человека, как я, тебе не обойтись. Денег у твоей дочки куры не клюют. Деньги-то ей мамаша оставила, а не папочка – вот в чем главная интрига. Откуда у Ксении столько денег? Речь идет не о банковском счете. Он бы вскрылся в случае смерти владельца. Речь идет о банковской ячейке, которой девчонка может пользоваться. И деньги там лежат не чистые.

– Займись Ксенией. Никто не верит, что она погибла. Вчера я в этом убедилась. Странно, если ее видели в гробу.

– Скорее всего, в этом хотела убедиться твоя новоиспеченная дочка. Вывела тебя на публику и проверила ее реакцию.

– Она тут ни при чем.

– Как знать. Чем Ксения была столь знаменита, что ее каждая собака в городе знала? И кому-то хочется, чтобы Ксения вновь ожила?

– Ты говоришь о болонках в бриллиантовых ошейниках? От них мы ничего не узнаем. Эти мопсы умеют держать язык за зубами.

– Не уверен. Они сами выйдут на связь с тобой. Я не верю в идеальное сходство между чужими людьми.

– Что ты хочешь сказать?

– Речь может идти о подмене. Если сработает сговор.

7

Она решила выпить. Налила в стакан виски, села перед телевизором, включила его и задумалась. Неужели все так глупы? Какие должны быть причины, чтобы пойти на такой подлог? Оживить мертвую женщину спустя пять лет после ее кончины! Мало того, для эксперимента выбрали преступницу, за которой гоняется прокуратура. Ничего глупее не придумаешь. И еще. Странное совпадение – погибший в автокатастрофе ребенок, ее сын, попадает на то же кладбище, что и Ксения. Авария произошла в другом городе. Почему ребенок похоронен здесь, пока она лежала в психушке? Где Ксения взяла кучу денег? Почему не забрала их, если сумела сбежать? Дочке оставила? А жить на что? С замашками Ксении на мелочь в кармане не проживешь. Тут все намного сложнее. И что за натурщица, о которой все время идет речь?

Внезапно ее взгляд сосредоточился на экране – очередная авария на шоссе. Не жизнь, а сплошной кошмар. Лилия выключила телевизор.

Вскоре вернулась с работы Олеся. Увидев бутылку на столе, хотела ее убрать, но Лилия не дала.

– Соплива еще учить меня. Хочу пью, хочу нет. Садись.

Олеся послушно села.

– Боже, как ты бездарно одеваешься. Тебе надеть нечего?

– Есть, – тихо ответила дочь. – Я не хочу привлекать внимание мужчин.

– Полоумная. Что мы без мужчин?

– Смени тему.

– Хорошо. Кто сжег твоего отца? Как тебе такая тема?

– Нормально. Его сожгла я.

У Лилии брови полезли на лоб.

– Вот так просто, раз – и гуд-бай папочка?

– Так просто. Ты сбежала. Тебя все не было и не было. Я поняла, что ты его боишься, пока он жив, ты не вернулась бы домой. Ты стала для него опасной – свидетелем убийства. Натурщицу он убил на твоих глазах. Муж его сестры, следователь Попов, все равно встал бы на его сторону. Я знаю, что они искали тебя днем и ночью. Тогда я решилась и не сожалею об этом. Его место в аду.

– И тебя не поймали?

– Я подсыпала клофелин ему в водку. Последний стакан он пьет перед сном. На втором этаже возле кровати стояла бутылка. Друзья разошлись к полуночи. Я спряталась в доме. Видела как он пил водку перед сном. В пять утра разлила в доме бензин и подожгла. Вот и все. Уехала на велосипеде, канистру увезла.

– Кого еще ты пришила, ненаглядная моя доченька?

– Больше никого.

– А что скажут твои тетушки, увидев меня?

– Они по театрам и приемам не ходят.

– Зато слухи пролезают в каждую щель.

– К мысли о том, что Ксения Чебрец жива и здорова, все уже привыкли, вчера ты сама в этом убедилась. Никакой сенсации не произошло. Тебя давно ждали. И не я одна.

– Кто же еще?

– Все. Умоляю, не пей больше.

Но Лилия выпила целый стакан. Кончилось тем, что хрупкой девчонке пришлось тащить ее на кровать.

* * *

Всю ночь Лиля не спала, крутилась, обливаясь холодным потом. Она прочла переписку Вали с неким Вадимом Расторгуевым. Мужчине под пятьдесят, вдовец, без больших запросов, ищет подругу жизни. Главное условие – взаимопонимание и уважение. Вредных привычек не имеет. О своей профессии сообщает мало. Занимается юриспруденцией, материально обеспечен. В последнем письме он сделал ей предложение. Она ответила согласием.

– Хорошо обработала мужика, пройдоха! – не выдержала Лиля.

Валя не могла ее слышать, она не пришла ночевать.

Вспомнив, что Валя предупредила жениха – она сойдет на берег со старым красным клетчатым чемоданом на молнии, Лиля заглянула в багажный ящик. Там такой чемодан был. Она заглянула в него. Одно старье. Длинные юбки, кофты, безликие блузки, туфли без каблучков. Зато на вешалках висели три платья – одно длинное, вечернее, а два до пупка. В углу стояли «шпильки».

– Дорожные гарнитурчики. Жаль будет выбрасывать.

Валентина явилась под утро. От макияжа ничего не осталось. Ее покачивало.

– Я балдею, Лилька! Какой мужик! Ему бы мозгов да денег.

– Либо одно, либо другое.

– Природа несправедлива.

Валентина, как была, в платье, рухнула на койку.

– Ты двоих обслуживала?

– Зачем? Зря ты его приятеля отшила. У них каюты одноместные, побольше нашей. Его триста одиннадцатая. Прямо у нас над головой. Комфорт. Свой бар. Мальчики живут нехило. Устала как собака. Всю ночь без передышки.

– Будет о чем вспомнить.

– Сутки пути, и я на берегу в объятиях своего ненаглядного. Правда, у меня есть еще одна ночь в запасе. Отыграюсь по полной. Все. До полудня сплю, на завтрак не иду.

– Ты ему представилась Верой. Зачем?

– Дуреха. Не дай бог приклеится. Он даже не знает, в какой каюте мы едем. Мужики не должны надоедать. Ты сама должна возникать перед ними, когда в них нуждаешься. Остальное дело техники. Сначала твоей, потом его.

Через секунду по каюте разнесся смачный храп.

«Ее партнер наверняка не в лучшем виде», – подумала Лиля и вышла из каюты. Тишина. Пассажиры спали. Под утро самый крепкий сон.

Лиля поднялась на один этаж. Ни души. Она тихо прошла по ковровой дорожке вдоль коридора до номера триста одиннадцать. Такой джентльмен, как этот урка, вряд ли станет провожать даму до дверей каюты. Она ушла сама, и о ней забыли. Стало быть, дверь не заперта. Валя ее попросту захлопнула за собой. Так оно и оказалось. Дверь открылась при повороте ручки. Лиля вошла. Подруга не преувеличивала. Апартаменты с большими иллюминаторами. Сквозь стекло проникали слабые лучи восходящего солнца. На кровати спал здоровенный жлоб с волосатой грудью и открытым ртом, полным золотых коронок. На полу валялись пустые бутылки из-под шампанского и коньяка. Запах стоял соответствующий.

Лиля обшарила карманы пиджака. В одном был бумажник с визитными карточками и толстая пачка столетних купюр, в другом – паспорт и еще один бумажник. В документ она на всякий случай заглянула. Урка представился им тоже не своим именем. Во втором бумажнике лежала пачка пятидесятирублевых купюр родного отечества. Паспорт Лиля оставила на месте, а бумажники забрала с собой.

Деньги – это понятно, но зачем бумажники? Улики! Она решила все по-своему.

Развязки ждать пришлось недолго. Он схватил ее за горло, когда Лиля стояла у борта на третьей палубе.

– Где эта гнида?

Лилия ухитрилась врезать ему пощечину.

– Не распускай грязные лапы, не то сдам тебя охране. Я тебе не шлюха, а порядочная женщина.

Здоровенный детина вдруг заговорил шепотом:

– Ты хоть знаешь, сколько бабок она стянула?

– Я с ней познакомилась на теплоходе, как и вы. У нее на лбу не написано, что она воровка.

– Где она?

– Понятия не имею. Даже номер каюты не знаю.

– Если врешь, я тебя шукам скормлю.

– Хочешь, чтобы я пошла к капитану? Не пяль на меня свои zenки, не напугаешь. Я жена крупного адвоката. Тронешь – с нар не слезешь.

– Ладно. Закончим базар. Где ее искать?

– Найду, сама приведу. Пора бы знать, на транспорте щипачей больше, чем крыс.

– Договорились. Приведи ее на это место.

– Наберись терпения. Как стемнеет, приведу. Мне ее еще найти надо. После такого куша она из своей норы не вылезет, а следующая пристань только завтра утром. И не дергайся, спугнешь.

– С меня ящик шампанского.

– Подачек не принимаю. Ворье ненавижу.

Лилия направилась вдоль борта к корме.

8

День четвертый

Лилию разбудил телефонный звонок. Мерзкий телефон не умолкал. Она с трудом сняла трубку. Какое счастье, что ее разбудили.

– Звонит твой друг. Имен называть не будем. Хорошо?

Лилия узнала голос Петракова.

– Позвони через пару часов.

– Полчаса тебе на сборы. Встретимся в скверике напротив того места, где сидели вчера. Лучше будет, если ты возьмешь такси или «частника».

– Ладно, постараюсь успеть.

Она заставила себя встать, приняла холодный душ. Тело освежилось, но голова разламывалась на части. Еще одно разочарование – бар опустел, ничего, кроме зеркальных стенок. Лилия со злостью захлопнула дверцу.

– Змея! Ишь, какая заботливая стервозина!

Лилия вышла из дома через двор на другую улицу и тут же поймала частника. Она понимала, что такое безопасность, и если ее предупреждали или она сама замечала слежку, как правило, ей удавалось ускользнуть от преследователей. Машину остановила за квартал от скверика и прогулялась по дворам. Внимания к своей персоне не обнаружила.

Петраков ждал ее в скверике с газетой в руках, прикрывая лицо, как это делают плохие актеры, играющие шпионов или сыщиков. Она присела рядом.

– Хвоста за мной нет. Пивом угостишь?

– У тебя трясутся руки.

– Не твое дело. Я не руками думаю.

– Тут есть уютный погребок. Но на шик не рассчитывай, я тоже на мели.

– У меня сломался станок, печатающий доллары.

– Идем.

Они прошли пару переулков и спустились в полуподвальное помещение бара с названием «Бочка».

Прохлада, полумрак, безлюдье, то, что им требовалось. Петраков положил «кейс» на стол.

– Ты опять опухла.

– Хватит обо мне.

– Только о тебе. Я же на тебя работаю. Пусть они следят за тобой, погоды это не делает, но ты не должна выводить их на меня. Оставаясь в тени, я могу вести себя свободно. Если меня возьмут на крючок, перекроют кислород, я буду беспомощен и бесполезен.

– Слишком долгая преамбула.

Официант принес пиво. Первую кружку Лилия выпила залпом и попросила принести еще одну.

– Есть две новости. Одна плохая, другая еще хуже.

– Хороших я в своей жизни не слышала.

– Нужны деньги. Много денег. За каждую информацию приходится платить. Даже за мелкую справку. Не будем платить, забуксуем на месте.

– Боюсь, что моя стервозина-дочка денег мне не даст. Она весь бар отправила в мусоропровод.

– Уйди от нее. Вербицкий и его команда уехали из города в турне. Сейчас ищут тебя в Омске, потом начнут ворошить Челябинск, далее Екатеринбург. Здесь им удача не обломилась, и вряд ли они вернутся.

– Предлагаешь вернуться на свою помойку?

– Ради дела можно и потерпеть. Я же предупреждал. К роскоши вредно привыкать. Она засасывает.

– Ладно. Давай к делу. Чей ярлык я приклеила себе на лоб?

– В ближайшие дни мы этого не узнаем. Ксению Чебрец все боятся и в то же время ее здесь ждали. Если она уникальная шантажистка, то почему от нее не избавились раньше? Выходит все наоборот – она светская дама и у нее море поклонников.

– В чем же ее секрет?

– Даже не догадываюсь. Но знаю одно. О тебе кто-то заботится. Кому-то ты здесь нужна, но напрямую на тебя выйти не решаются.

– Не морочь мне голову. Конкретно.

Петраков раскрыл чемоданчик и вынул ноутбук.

– Слышала об автокатастрофе на шоссе?

– Мельком.

– Смотри. – Детектив включил запись. – Эту копию я купил у местного телеоператора. Далеко не весь материал пошел в эфир. Тут есть опрос свидетелей. Ничего особенного, каждый обронил два-три слова... А вот и он.

Петраков остановил кадр.

– И что? Красивый молодой мужик. Обаятельный. Я бы такого не упустила.

Сыщик выложил на стол фотографии того же мужчины.

– За них мне тоже пришлось платить. Это Геннадий Краснопольский. Твой второй муж, тот, что тебя убил. Освободился пять месяцев назад, где живет, неизвестно. В протоколах его имени нет, а на кадрах он есть.

– И что? Гаишники проморгали?

– Ничего подобного. По «ящику» показали другую аварию. Эта произошла в другом месте. Скала смерти. О ней уже боятся упоминать. Пять машин за последний год сорвались в пропасть с высоты около двухсот метров. Дорога опасная, но я вчера там проезжал и понял, что сам я в пропасть не упаду. Меня надо подтолкнуть... Ударом в водительскую дверцу, например. Так оно и происходит. Ни от людей, ни от машин ничего не остается. Лепешка. Был удар в дверь или нет – доказать невозможно.

– Зачем же рисковать?

– Наверху плато и сосновый бор. Там живут самые влиятельные люди. Усадьбы, виллы, особняки. По дороге к ним Скалу смерти объехать невозможно.

Лилия сделала несколько глотков пива.

– Сколько можно мне пудрить мозги? Подозреваешь, будто бывший муженек Ксении кого-то пришил? А меня каким боком ты пристроил к этой пирамиде?

Петраков выложил на стол еще две фотографии. На них мужчина и женщина, обоим под шестьдесят.

– Это жертвы, Лилечка. Те, что вчера погибли. Старшая сестра твоего другого мужа, Чебреца, Алевтина и ее муж, начальник следственного отдела городской прокуратуры Аркадий Попов, который пришил убийство Ксении Геннадия Краснопольскому и засадил его на пять лет.

– Месть?

– Не похоже. В километре от скалы дорога резко сворачивает влево, и с того места отлично виден крутой склон. Там произошла авария за час до той, которая транслировалась. Собралась пробка. Краснопольский не рискнул бы светиться, перенес бы покушение на дру-

гой день. Гаишники прибыли на место аварии в течение нескольких минут. Они могли видеть падающую со скалы машину.

– И что ты думаешь?

– Краснопольского подставили, но он чудом выскользнул. А стариков убрали намеренно. Они знали, кто лежит на кладбище, и могли не признать в тебе Ксению.

Лилия допила пиво и закурила.

– Осталась еще одна сестра. Регина. Она тоже может меня разоблачить.

– Я посмотрю на нее во время похорон. Если она опасна, то долго не проживет. Гибель Алевтины и Аркадия очень некстати, их смерть совпадает с твоим воскрешением. Важно понять главное. Либо тебя хотят возвести на твой бывший престол, либо желают похоронить во второй раз. В пользу того и другого есть свои аргументы.

– Найди красавчика с фотографии. Он где-то рядом пасется.

– Нужны деньги. Сам по себе я ничего не стою, но я знаю, кому и за что платить. И не требуй от меня расписок.

– Будут тебе деньги. Потерпи.

9

Возле дома Лилию поджидал шикарный «Мерседес». Водитель вышел и открыл ей дверцу.

– Ксения Михайловна, Игорь Трофимыч хочет с вами поговорить. Это важно.

– Где он? – невозмутимо спросила Лилия.

– В машине.

Она понимала, каким перегаром от нее несет, и в салоне автомобиля его сила удвоится. Но любопытство взяло вверх над разумом.

– Хорошо. Включите кондиционер, мне душно.

На заднем сиденье сидел мужчина лет пятидесяти с восточной внешностью, скорее грек, чем кавказец. Она села рядом. В памяти вспыхнули эпизоды из недавней прогулки по фойе театра. Наверное там она его и видела. Других примечательных мест, где можно встретить таких породистых жеребцов, Лилия пока не посещала. Пришлось идти в атаку первой:

– Слушаю. Что ты хочешь?

Похоже, она не промахнулась.

– Хочу восстановить связи. Многое изменилось за пять лет. Появились новые технологические возможности, сменились люди. У старых клиентов умерли жены, у других появились новые мужья. Но человеческая суть осталась та же. Желания те же, помыслы такие же.

– Куда мы едем?

– В мой отель. Там можно тихо посидеть и обсудить детали.

Она поняла, что речь идет о каком-то бизнесе, о деньгах, и ни о чем другом.

– Что нового ты можешь предложить? – спросила она.

– Для начала мне нужно получить твое согласие.

– Каждую идею я теперь долго обдумываю.

– Но идея принадлежит тебе. Сменились условия, и к лучшему, настали другие времена.

– Слова, слова, слова.

– Хорошо. Разберемся на месте.

Машина въехала в служебные ворота одного из самых крупных и дорогих отелей города. Их встретил портье, и они прошли к скоростному лифту. В небольшом уютном зале не было никого кроме нескольких официантов, стоящих вдоль стен. Прежде чем войти, Лилия успела прочесть табличку на двери: «Генеральный директор Игорь Трофимович Огородников».

– Шампанского? – предложил хозяин.

– Водки. Ледяной, в графине. И грибов.

Вряд ли он удивится. Люди за год меняются до неузнаваемости, а тут пять лет прошло.

– Нас предупредят, когда начнется самое интересное.

– Надеюсь, я доживу до этого момента.

Официант принес поднос с заказом. Хозяин пил сок. Гости налили водку в рюмку. Ее так и подмывало перелить ее в фужер и наполнить его до краев, но она сумела побороть искушение.

Выпив, Лилия спросила:

– Каковы сегодня ставки?

Она играла вслепую, на ощупь. Тыкала пальцем в небо, но сегодня удача не отворачивалась от нее.

– Все зависит от контингента. От пятидесяти до двухсот тысяч. Только теперь в евро. Доллар ныне не в почете.

– Соотношение процентов?

– Как и раньше. Шестьдесят против сорока в твою пользу.

Лилия ела грибы с картошкой, поглядывая на графин, но водки больше не наливала. Если позволить себе еще пару рюмок, она не выберется из дремучего леса.

Подошел официант и что-то шепнул на ухо хозяину. В ответ он кивнул.

– Нас просят пройти в апартаменты.

– И что мы там будем делать?

– Ты примешь решение. Пока все.

Скоростной лифт поднял их на девятый этаж. Они прошли по пустынному коридору, и Игорь Трофимович открыл девятьсот сорок первый номер своим ключом. Ничего особенного. Две комнаты – гостиная, куда они попали, с правой стороны спальня, где виднелась широченная кровать.

Хозяин отеля подошел к панели, обтянутой шелком, и сдвинул ее в сторону.

– Надеюсь, ты это оценишь.

Лилия подошла и увидела окно. Оно выходило в спальную комнату соседнего номера. На кровати пыхтели мужчина и женщина, занимаясь любовью. У Лилии приоткрылся рот. Сексом ее не удивишь, всякое повидала на своем веку, но она испугалась, что они могут ее увидеть.

– Теперь здесь десятимиллиметровое звуконепроницаемое стекло. Можешь кричать, они тебя не услышат.

– И не увидят?

– С другой стороны зеркало. Если ты помнишь, у нас было оборудовано три номера такими ловушками, а теперь их тридцать. И видеокамеры высокого разрешения. Что скажешь, Ксения? Перед твоими глазами депутат с женой главного нефтяника. С нее двести кусков, с него хватит и пятидесяти.

– Что же ты не снимаешь?

– У тебя это получается лучше.

– Найми мальчика.

– Нет. В этом деле не должно быть лишних людей. Нас двое, плюс посредник.

– Тот, кто подбрасывает материалы к дверям?

– Способов много. Был бы результат.

– Примитивный шантаж. Вряд ли я возьмусь за такую грязную работу. С годами люди меняются.

– Весь город будешь держать в кулаке, с областью вместе. После твоего исчезновения дело застопорилось. Эти членоголовые только тебе доверяли. Только тебе несли деньги и знали, что ты никогда не откроешь рта. Десятка три пленок так и остались невостребованными, потому что ты сбежала.

– Где они?

– У тебя, надеюсь. Мне ты не доверяла.

– И ты хочешь работать за такие гроши?

– Мне нужен новый флигель. Взятки давать рискованно и глупо. Съёмка мэра обеспечивает его разрешение на строительство. Деньги меня не интересуют. Мой отель создан на базе твоих кассет. Все местные засранцы прошли через эти номера. Вспомни, что на этом месте было семь лет назад, а сейчас – гостиница международного класса. Я вошел в элиту гостиничного бизнеса.

– Ты же игрок, приятель, никогда не остановишься. Тяжело будет падать с такой высоты.

Лилия закурила и задумалась.

– И все же я не понимаю, почему тебе не снимать самому?

– Не ждал от тебя такого...

– Водки много выпила.

– Пока они ублажают друг друга, я должен быть у всех на виду. В центре зала в белом фраке, с улыбкой на лице. Я ничего не знаю и ни о чем не слышал.

– Так вот почему ты не снимаешь эту сцену. У тебя нет алиби. Ладно. Кто меня будет прикрывать?

– На служебном лифте работает надежный парень. Машину с охраной я тебе предоставлю. В случае опасности предупрежу. Ты ничем не рискуешь. Ты посредник, пользующийся доверием, и все. Такую женщину невозможно заподозрить в грязных делах. Они сами будут на тебя выходить. Будешь отдавать пленки и брать деньги. Они доверяют твоим связям, но саму тебя никто ни в чем не подозревает.

– На сегодня с меня хватит. Дай мне свою визитку, на днях я позвоню.

Лиля хотела попросить денег, но передумала. Показать себя несостоятельной она не могла.

Возвращаясь домой, вспоминала весь разговор. Если они работали год или два, то все равно таких денег она скопить не смогла бы. «Они»? Кто они? Лилия уже вжилась в свою роль, ей казалось, что речь идет о ней, а не о какой-то Ксении, о которой она начала забывать.

Олеся поджидала мать дома.

– Мама, ты опять выпила? – всплеснула она руками.

– На троих в подворотне. Там мое место, туда я и уйду! Ты что же, голубушка, решила держать меня на голодном пайке? Где деньги?

Мне нужно десять... нет, пятнадцать тысяч долларов. Срочно. Чтобы утром лежали на столе.

– Зачем тебе такие деньги?

– На пиво. Не беспокойся, за день или два не пропью. Я не обязана перед тобой отчитываться.

– Папина сестра погибла и дядя Аркадий.

– Они мне не родственники. Ты же их ненавидишь?

– Родня все же. Надо на похороны пойти.

– Кому? Мне? Меня они уже похоронили и даже в морге опознали. Для них меня нет. Не существует. Я горю в аду за свою проклятую жизнь.

– Ты попадешь в рай.

– Мне наплевать. Место трупа в могиле. Да, все забываю тебя спросить, что это они все в театре передо мной пресмыкались? Меня никто не выбирал королевой бала.

– Ты очень много сделала добра. Добилась постройки женской гимназии, вкладывала деньги в строительство кардиологического центра, помогала пенсионерам. Почитай газеты тех лет.

– Зарабатывала на голых жопах и завязывала бантики на косичках будущих шлюх, – процедила Лилия сквозь зубы.

Олеся не расслышала этих слов и с улыбкой сказала:

– Сейчас ужин принесут из ресторана.

– Ешь его сама. В двадцать пора бы научиться готовить.

Лилия ушла в спальню, захлопнув за собой дверь.

10

День пятый

Кто сказал, что утро мудренее вечера? Глупости. Ну вот оно очередное утро, и что? Ни одной умной мысли в голове. Да еще эти идиотские сны. Жила-была обычная стерва и аферистка, радоваться особо нечему, большинство афер срывалось и приходилось пускаться в бега. День в роскоши, день на помойке. Случайность? Нет, закономерность. Есть везунчики, а есть простофили. К везунчикам Лилия себя не относила. Похоже, и сейчас ее захватила новая авантюра. Обычно она сама выдумывала схему очередной аферы, а тут попала на все готовенькое, не ею созданное, и приходилось плыть по течению. Она в подметки не годилась покойной Ксении, а может, и не покойной, а здравствующей где-нибудь на Сейшелах.

Денег пресловутая «дочка» ей так и не оставила. Лаской надо деньги выуживать, а не хамством.

Лилия привела себя в порядок, оделась, достала из шкафа соболью шубу, запихнула ее в спортивную сумку и ушла. В ломбарде ей дали за шубу пять тысяч долларов. Сущие пустяки по сравнению с реальной ценой. Торговаться и спорить она не стала. Отправила сообщение на телефон сыщика, накупила водки, еды и поехала на свою старую квартиру в покосившейся трущобе на окраине города. Долгое время Лилия выжидала, сидя в машине и попивая водку из горлышка. Водка сделала свое дело, море стало по колено.

Ключи от квартиры были выброшены дочерью вместе с легендарным плащом. Она открыла дверь автомобильными ключами. К замку подходил любой крючок. Обыск ничего не изменил. Скучная обстановка и пара дырявых чулок не могли превратиться в погром. Паспорт и другие документы забрали, ценные бумаги тоже. Не велики потери. Смотреть на кошмарную халупу и понимать, что только такой жизни ты достойна, было нелегко. Раньше она об этом не думала, но стоило ей на мгновение окунуться в другую жизнь, как все представления о белом свете переворачивались с ног на голову.

Она сняла дорогое платье и белье, чтобы не испачкать, и повесила единственную вешалку на вбитый в стену гвоздь. Сумочку с деньгами, ключами и документами положила под матрац. Накинув заношенный ситцевый халат, решила, что теперь может расслабиться. Постелив газету на пол, она разложила дорогую закуску, выставила несколько бутылок водки и принялась за трапезу. Больше всего ее пугали сны, это была неотвратимая казнь, преследовавшая ее по ночам.

Через час она уже лежала на грязном полу в полной отключке. Губы растянулись в слабой улыбке. Много ли человеку надо? Но сны никуда не делись, вернулись как неизбежность.

* * *

Лилия подошла к горничной, убирающей пустую каюту. Девушка выключила пылесос.

— Вам что-нибудь нужно?

— Да, милочка. Есть к тебе небольшая просьбочка. Я утром схожу на берег, но последнюю ночь хочу выспаться. Моя соседка невыносимо храпит. Сказать напрямую я ей этого не могу. Я дам вам сто долларов, а вы мне ключ от этого номера, до утра. Уходя, я оставлю его в двери.

Девушка покраснела и начала оглядываться.

– Я даже не знаю, вы понимаете...

– Я понимаю. – Лиля положила в фартук девушки сотню с портретом Вашингтона. – Ключик.

Девушка сняла с общей связки ключ.

– Вы миленькая. Мы сейчас уйдем с соседкой на ужин. Возьмите из двести девятого номера мой чемодан и перенесите сюда. Он в шкафу, старый, в клетку. Я не хочу делать это при ней. Когда она проснется, я уже буду на берегу.

– А чемодан...

– Он мой, не беспокойтесь. Можете в него заглянуть, там ничего ценного.

– Хорошо, я все сделаю.

Лиля вернулась в свою каюту. Валентина в длинном вечернем платье, в туфлях на шпильках пудрила вздернутый носик перед зеркалом.

– Готова?

– Готова. Выпьем на прощание, и я пойду ночевать к своему половому гиганту. Утром будить тебя не стану, так что простимся сегодня. Слава богу, обращаться с компьютером я тебя научила, теперь тебе и флаг в руки, а я ухожу на покой.

Они вышли в коридор и направились на верхнюю палубу.

– Гламурные наряды возьмешь с собой? – спросила Лилия.

– Боже упаси. Оставляю тебе в наследство. Фигуры у нас похожи и рост тот же.

– Щедрый подарок.

– Новый муж – новые наряды, другие вкусы. Не смазать бы начало, сейчас это главное. Представь, если он увидит это мое барахлишко? От святоши и следа не останется. Я даже не душилась сегодня.

– Не забудь смыть макияж утром и отвыкни глазеть на мужиков.

– Последнее будет сделать труднее всего. Я же взглядом могу оценивать, каков он в постели. Практически, не ошибалась ни разу.

Проходя мимо бара, Лилия остановилась:

– Я забегу за шампанским. Положи ключ от номера в свою сумочку.

Через несколько минут Лиля вернулась с бутылкой.

– И что за блажь такая – пить на ветру, в темноте, – пожала плечами Валентина. – Могли бы посидеть в ресторане.

– Ты ничего не понимаешь. Может быть, это последний твой романтический вечер. А ресторанов в твоей жизни еще много будет.

– Ладно. Волоки меня дальше. Зря только шпильки надела.

Они поднялись на верхнюю палубу.

– Какой воздух, – с восхищением воскликнула Лиля.

– Обычная холодрыга. Наливай. – Валя передернула плечами.

– Черт! Стаканчики забыла. Держи. Я мигом, на мне нет шпилек.

Лиля передала бутылку подруге и побежала к лестнице. За углом ее поймал урка.

– Ну? Деньги у нее с собой?

– Она не сумасшедшая. Ключ от номера у нее в сумочке. Я свое дело сделала и отстань от меня. Остальное решай сам.

Урка решал сам. Лиля видела, как он это делал. Пара ласковых, удар чем-то по голове, тело за борт, сумочка осталась в его руках.

Лиля спустилась в бар, купила бутылку водки, сигареты и пошла в свою новую каюту.

Она знала, что в другой каюте при обыске кроме пустых бумажников и сумки с тряпками ничего не найдут. Клетчатый чемодан лежал здесь, на кровати.

Лиля выпила стакан водки.

– Пусть дно станет тебе пухом. Впрочем, ты со дна никогда не поднималась, как и я. Из двух зол побеждает злейшее. Вот так вот, психолог хренов!

Зависть? Может быть. Она не знала, откуда взялась злость и такая ярость. Последний хахаль ее едва не убил. А этой стерве во всем везло. Почему? Она сделала еще несколько глотков водки, закурила, раскрыла чемодан и начала разбирать одежду. Наряд должен быть строгим, а лицо красивым.

Лиля подошла к зеркалу, долго смотрела на себя, потом вынула шпильки из волос и потрянула головой. Шикарные черные волосы упали ей на плечи. Слишком много седины появилось за последнее время, но она ей шла, пусть остается.

11

День седьмой, шестой из жизни выпал

За окном уже стемнело. Под потолком горела лампочка. Лилия очнулась после того, как на нее выплеснули таз воды. Она встрепенулась, приподнялась, огляделась: но долго не могла понять, где находится.

– Привет, королева. Что отмечаешь? Собственную несостоятельность?

Лилия приподняла голову и увидела Петракова. Она глянула на вешалку – на ней висело дорогое красивое платье.

– Боже! Пьяный бред приобретает черты реальности.

Она, сидя на полу, оглядела пустые бутылки из-под водки.

– И похмелиться нечем.

– Погуляла пару суток и хватит, пора делом заниматься.

– Двое суток?

– Именно. Из дома ты ушла два дня назад. Не за день же ты осушила пять бутылок.

– У меня башка не варит, не помню, как здесь оказалась. Сплошные провалы.

– В твоём деле светлая голова необходима. Придется завязать с выпивкой, с алкашами я не работаю.

– Тоже мне, пуп земли нашёлся!

Сыщик подал ей руку, помог подняться. Лилия одернула халат и села на кровать, не намного мягче досок пола. Он принес ей воды, она выпила.

– Который час?

– Ещё не поздно. Нам надо съездить на кладбище.

– Совсем спятил? Мало мне ужасов по ночам снится?!

– Людей надо опасаться, а не покойников. Сегодня я был на похоронах твоих погибших родственников. Вся прокуратура собралась. Видел твою дочку с заплаканными глазами. Интересный факт. Их похоронили неподалёку от твоей могилы. Все цветы там уже завяли. Вторая тетка, Регина, отнесла букетик на твою могилку и ещё пара человек. А дочь даже не подошла, значит, она поверила в то, что ты её мать.

– Проку от неё никакого. Девчонка знает очень много, но из неё ничего не выжмешь, и денег тоже.

– Не торопи события. Мы должны во всем разобраться, а потом идти в атаку. Сейчас мы безоружны.

– Зачем надо ехать на кладбище?

– Мраморная плита под твоим памятником, на которой написано имя, лежит под небольшим наклоном. Она не прикреплена.

– Это как?

– Когда укладывают плиты, их скрепляют цементом, а там щель, и только.

– Хорошо. Поехали куда угодно. Я уже не могу здесь находиться, да ещё в трезвом состоянии. Подожди меня внизу, мне надо одеться.

– Буду ждать в машине.

До кладбища добрались быстро. Пролезли через щель в заборе. Лунный свет отбрасывал зловещие тени от бесконечных могильных плит.

– Зачем тебе понадобилась я? Мог бы один сходить, – ворчала Лилия.

– Дыши воздухом, тебе полезно. Я не лазаю в чужие могилы без разрешения хозяев. Твоя могила, ты и действуй.

– Я не знаю, чья это могила. Погибла натурщица. Говорят, моя копия. Почему вспоминают Ксению Чебрец, если она по второму мужу Краснопольская? Сплошные загадки. У тебя, сыщик, нет ни одного ответа. Мы сидим в глубокой луже.

– Держи фонарь, но не зажигай, нам светиться незачем.

При помощи монтировки и ломика Петраков начал сдвигать плиту в сторону.

– Тяжелая, зараза...

Он сдвинул плиту сантиметров на тридцать. Под ней оказалась небольшая ниша.

– Удобный тайничок. Надежней, чем в банке, – пытаюсь отдышаться, проговорил Петраков. – Теперь давай сюда фонарь.

Сыщик сунул фонарь под плиту и только потом зажег его.

– Тут что-то есть в дальнем углу. Сорви какую-нибудь ветку, так я не достану.

Из тайника изъяли четыре хорошо упакованные коробки и что-то похожее на книгу. Все было прикрыто картоном, пластиком, целлофаном и связано прозрачным скотчем.

– Товар боится сырости, ишь как упаковали. Больше там ничего не осталось. Порядок. Ставим плиту на место и уходим.

На квартиру Лили возвращаться не стали, поехали в гостиницу к Петракову. По дороге он сказал:

– Боюсь, с твоим делом я застрял здесь надолго. Пришлось квартиру себе подыскать. О деньгах ты позаботилась?

В голове Лилии короткими вспышками возникли: шуба, ломбард, сумочка под матрасом.

– Завтра получишь. Сколько тебе надо?

– Чем больше, тем лучше. Для начала трех тысяч хватит. Не рублей, разумеется. Милую квартиру я снял в центре твоими молитвами, завтра перевезу туда вещи. Возьми ключ, теперь будем встречаться там.

– Адрес?

– Буденовский проспект, пять, квартира сорок, вход со двора.

– Транжиришь?

– Мне нужны условия, а главное – деньги.

– Ты их получишь.

В номере они принялись распечатывать коробки, похожие на матрешки: из одной выпадала другая, тоже обмотанная скотчем. В конце концов, навалив кучу мусора, они получили четыре видеокассеты и тонкую кожаную папку с документами. Первый лист – цветная гербовая бумага с флагом Франции, текст на французском. Второй – копия первого, но уже на русском – акт купли-продажи авторских произведений художника Ксении Чебрец. В акте перечислялись названия пяти полотен. Покупателем был французский банкир Роже Лотнер, который приобретал в личную собственность картины мадам Чебрец за два миллиона триста тысяч долларов.

У Петракова отвисла челюсть.

– Мать честная!

Дальше лежал документ Министерства культуры, где говорилось, что живописные полотна Ксении Чебрец не являются народным достоянием и не представляют особой художественной ценности.

– Эта бумажка дорогого стоит, – хмыкнул сыщик.

– Хренотень! – махнула рукой Лилия.

– Не скажи. Это же зеленый коридор на таможне.

В папке лежала так же газета «Фигаро», которую они прочесть не смогли и каталог аукционного дома «Кристи» на русском языке с репродукциями. Его они проштудировали.

Пять картин Ксении Чебрец были проданы на аукционе по одному миллиону долларов за каждую.

– У этого француза невероятное чутье. В «Фигаро» тоже есть эти репродукции. Нам нужен переводчик, – задумчиво сказал Петраков.

– Я бы такое дерьмо и в сортире не повесила.

– Авангард. Что мы понимаем!

Лилия хихикнула.

– Француз купил картины в январе, а в марте уже продал. Палец о палец не ударил, а два миллиона семьсот тысяч заработал. С неба упали. Вот как Ксения денежки добывала! Ладно. Позвони администратору, попроси принести в номер видеомагнитофон. В общем-то, я догадываюсь, что на этих кассетах. Вопрос в другом – зачем она их берегла.

– Кто? Ксения? – Сыщик рассмеялся. – Ксения умерла, я в этом уверен, но кто сделал тайничок из ее могилы. Не покойница же из-под плиты выкарабкалась.

– А если ее дочь?

– Девчонка никому не доверяет. Даже тебе. А теперь представь, как она могильную плиту сдвигает. У меня брюхо едва не лопнуло. Одно могу предположить – девчонка знала о делах матери.

– Допустим. Но в появлении Ксении заинтересован некий местный бизнесмен. Сейчас мы все увидим на пленках. Уверена, что попала в десятку.

Петраков подошел к телефону и связался с администратором.

Видеомагнитофон принесли быстро и тут же установили, Лилия отсиделась в ванной комнате, подальше от любопытных глаз. Когда настройщик ушел, она вернулась в комнату. Поставили первую кассету.

– Это же обычная порнушка! – воскликнул сыщик.

– Это ты так думаешь, Яша. Не для того кассеты так тщательно хранили, чтобы потом любоваться на досуге. Эти любовнички попадали в крепкий капкан после своих утех.

– Глупости. Они работают на камеру. Оператор находится метрах в двух. Кто бы его пустил в спальню, будь это не так?

– Они не видят оператора. В спальне висит зеркало, а камера стоит за ним.

– Знакомый сюжет. В кино уже такой видел.

– Банальный сюжет. Оператором была Ксения, и она же торговала компроматом. Вот за что ее так ценили. Она умела молчать и имела обширные связи с криминалом. Через нее компромат выкупали. Но никто не подозревал, что она сама замешана в деле. Скорее всего, ее боялись. Она хранила сокровенные тайны очень многих высокопоставленных особ.

– Такие люди долго не живут.

– Она и не прожила долго. Смерть ее настигла в тридцать семь лет. У шантажистов есть отличное противоядие, и оно тебе известно.

– Оставлять себе копию и в нужный момент обнародовать материалы.

– Какой догадливый. Уловка стара как мир. И она срабатывает.

Петраков прищурил глаза.

– Откуда у тебя такие сведения о Ксении?

Лилия не ответила на вопрос.

– Эта кассета не интересная, мы не знаем, кто на ней. Ставь следующую.

На следующей пленке был изображен муж Ксении Геннадий Краснопольский с не очень молодой особой.

– А на это что ты скажешь? – хмыкнул Петраков. – Своего мужа она самолично подкладывала в постель к чужим бабам и снимала их?

– Муж мужем, бизнес бизнесом. От такого кобеля ни одна баба не откажется. Промотай дальше.

На одной кассете Краснопольский занимался сексом с тремя разными женщинами.

– Снято в разные дни, – уверенно заявил сыщик.

– Возможно.

– Обрати внимание – в каждом случае на стуле висят разные пиджаки.

– Меня интересуют женщины, а не он. С ним все понятно.

– Что мы можем выяснить по прошествии пяти-шести лет?

– Моя умненькая дочка подкинула мне отличную идею: «Хочешь о себе знать больше, полистай подшивки старых газет».

– Мудрая мысль. Я могу отцифровать пленки, сделать фотографии и порыться в библиотечных архивах. Она же снимала только богатых и знаменитых, их лица должны быть на страницах светской хроники.

– Ставь другую кассету.

На следующей пленке был следователь Попов, ныне покойный, с молодой шлюшкой.

– Не эта ли пленочка заставила Попова засадить в тюрьму Краснопольского и опознать неизвестный труп как труп Ксении, – задумчиво протянула Лилия. – Тут все понятно. Ксения могла шантажировать его, и он решил ее убить. С чьей помощью, сказать трудно. Но он, его жена и сестра жены опознали убитую как Ксению. Это могла быть не Ксения, а натурщица. Или даже сама Ксения. Не имеет значения. Мы ничего не знаем о натурщице, кроме того что, по словам дочери, они были очень похожи. Возникает самый идиотский вопрос – кому выгодно возвращение Ксении и смерть ее родственника следователя Попова? По времени эти события совпадают.

– Есть более сложный вопрос. Кто заменил Ксению за киноаппаратом? Я уверен, что съемки продолжаются. Необходимость ее возвращения в том, что только она одна способна получать за компромат деньги. Или это не так? Кто же сделал из могилы Ксении тайник, где хранил самые ценные экземпляры. Кто?

– Не Краснопольский, – ответила Лилия. – Он выбыл из игры до начала событий.

Петраков закурил и прошелся по комнате.

– Кроме Ксении с ее изворотливым умом никто не смог бы управлять марионетками и после своей мнимой смерти. Она жива. Вот мое заключение. Ушла со сцены, почуввав серьезную угрозу.

– Возьмем эту версию как основную, – предложила Лилия. – Такие люди, как она, не могут исчезнуть просто так. Здесь Клондайк, деньги на земле валяются. Мое появление никого не смутило, его восприняли как естественное. Почему бы настоящей Ксении не вернуться? Что ей мешает?

Продолжая мерить шагами комнату, Петраков выдвинул новую версию.

– Чебрец и Краснопольский были художниками, но о талантах Ксении никто не слышал. Пять полотен, похожих на мазню, были проданы за бешеные деньги. Это случилось за полгода до ее предполагаемой смерти. Но если она жива и бросила, как ты говоришь, Клондайк, на что она живет?

Лилия встала и выключила видеоманитофон.

– Она живет за счет картин. Значит, нам необходимо выяснить: продавались ли ее картины в Европе после ее смерти. Выставки, вернисажи, прочие акции и рекламу можно найти в Интернете. Если ее картин нет, значит, она в могиле.

– Мы можем сейчас просмотреть все, что есть в Интернете.

– Ты меня и без того перегрузил, я устала и хочу спать. Пятый час утра. Отвези меня в мою берлогу. Увидимся завтра.

– Ты, наверное, хочешь есть?

– Нет. Меня тошнит. Мне нужно выспаться.

– Хорошо. Я тебя отвезу. Увидимся завтра. И не забудь: я сижу без гроша в кармане, а работа требует затрат.

– Деньги есть. Но вот еще одна загадка. Если на следователя имелся компромат в виде этой кассеты, то зачем же его скидывать в пропасть вместе с женой?

– Может, он уснул за рулем и сам свалился в пропасть со скалы?

– Я не люблю совпадений, Яша. Особенно, когда речь заходит о крупных аферах. И эта смерть не последняя. Уверю тебя. Мы пошли по второму кругу, все только начинается.

– Почему бы нам не бросить эту затею и не уехать?

Лилия ничего не ответила, а он не ждал ответа.

* * *

Эта чертова встреча состоялась.

Он стоял, смотрел на нее и растерянно улыбался, указывая пальцем на клетчатый чемодан. Невысокий, неказистый, но одет с иголочки, в галстук, костюме. Несмотря на дурацкую растерянность, в нем чувствовалась надежность. С таким человеком можно жить, не беспокоясь о завтрашнем дне.

Похоже, он прилип к асфальту. Лиля подошла к нему сама.

– Здравствуйте, Вадим. Извините за мою выходку с фотографией. Вы же понимаете, что Интернет – это общение, а не глаза.

– Я понимаю, извините. Но вы такая красивая, а я... Мне...

– Мне тоже трудно. Мужчины смотрят на меня только с одной целью, а я хочу большего. Я привезла всю нашу переписку. Важно, что мы нашли общий язык, теперь можно не прятать и свою внешность.

– Да, да, конечно. Вам бы я не осмелился написать ни строчки. Смешно думать об этом.

– Вы сожалеете? Я вас разочаровала?

– Ну что вы! – он замахал руками. – Ну что вы! Ну что вы!

– Меня зовут Лилия.

– А меня Расторгуев. То есть Вадим. Да, вот.

– Я знаю. Мы так и будем здесь стоять?

– Ах да, извините. Машина на стоянке.

Он собрался было идти, но Лиля остановила его и показала на чемодан, о котором он в растерянности забыл.

– Извините, – снова пробормотал Вадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.